

Так, Индонезия заявила о себе как о центре неарабских мусульман и своего рода «альтернативе» ближневосточным подходам и взглядам на развитие уммы. Также это проявилось в необходимости интернационализации «духовного ресурса» Индонезии, включения организаций и богословов в международный дискурс. Индонезия по-прежнему осторожно подходит к реализации исламской повестки по причине опасений за внутривосточную ситуацию в аспекте предоставления площадки как консервативным религиозным силам, так и радикалам, с которыми, однако, ведется уверенная борьба, в том числе силовая. Индонезия жестко выступает за подавление и уничтожение террористических групп и является одной из самых успешных стран на этом направлении.

Очевидно, что характерная для Индонезии стабильность внешнеполитического курса и его умеренность сохранятся и в дальнейшем, даже если к власти придут военные или религиозно-ориентированные силы. Индонезия напоминает здесь соревновательную фракционную модель принятия решения США, когда все фракции, независимо от их победы или поражения на выборах, имеют определенный ресурс влияния на общеполитический вектор развития страны. Индонезия продолжит концептуально подходить к транслированию своих взглядов на умму в мировом поле, используя кризисы и проблемы современного общества в качестве мотиваторов и факторов эффективной работы собственной мягкой силы, а также способов повышения авторитета среди мусульман.

*Статья предоставлена автором для публикации  
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

**Белинский А.В.\***  
**«ИГРА ПРЕСТОЛОВ».**  
**ЛИВАНСКИЕ КЛАНЫ И ГОСУДАРСТВО В ФРГ**

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.07

***Аннотация.** В статье рассматривается процесс криминализации прибывших в ФРГ в начале 1980-х годов ливанских кланов. Отмечается,*

---

\* Белинский А.В., кандидат политических наук, старший научный сотрудник, отдел проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, e-mail: belinski\_andrei@mail.ru

*что он был обусловлен целым рядом причин, к числу которых относятся маргинальное положение выходцев из Ливана, недостаточное внимание властей к вопросам интеграции, особенности менталитета и т.д. Начав с мелких краж и уличной торговли наркотиками, кланы постепенно стали создавать свои экономические структуры, которые включали в себя как легальный бизнес, так и криминальную деятельность (вымогательства, ограбления, «отмывание» денег и т.д.). В конце статьи делается вывод о том, что эффективная борьба с клановой преступностью предполагает комплекс мер, включающих не только полицейские операции, но и борьбу с «бизнесом» кланов и работу с их отдельными членами.*

**Ключевые слова:** ливанские кланы; Мхамалли; ФРГ; организованная преступность.

## **Двоевластие**

Дерзкое, как по своему замыслу, так и по способу осуществления, ограбление берлинского музея Боде в 2017 г. могло с легкостью стать основой сценария для остросюжетного голливудского фильма или же войти в качестве наглядного образца в учебники криминалистики. В ночь на 27 марта 2017 г. трое одетых во все черное мужчин сошли на станции Хаккешер-Маркт и по железнодорожным путям выдвинулись в сторону музея. У железнодорожной насыпи их поджидал сообщник, который помог им залезть в окно музея. Целью преступников была стокилограммовая золотая монета Big Maple Leaf, стоимость которой эксперты оценивали приблизительно в 3,75 млн евро<sup>1</sup>. Пуленепробиваемое стекло было разбито топором, монета с помощью канатов и тачки была переправлена в машину, после чего ее следы затерялись<sup>2</sup>.

Расследовавшие дело полицейские в конце концов вышли на след четырех членов известного в криминальных кругах Берлина ливанского клана Реммо, который до этого уже неоднократно попадал в поле зрения правоохранительных органов ФРГ.

Ограбление всемирно известного музея стало не просто громким преступлением, а индикатором того, что во многих крупных немецких городах наряду с традиционными государственными

---

<sup>1</sup> Tagesspiegel. Prozess gegen mutmaßliche Goldmünzen-Diebe beginnt. 10.01.2019 // <https://www.tagesspiegel.de/berlin/bode-museum-prozess-gegen-mutmassliche-goldmuenzen-diebe-beginnt/23841646.html>

<sup>2</sup> Полицейские и криминалисты предполагают, что преступники переплавили монету, чтобы замести следы.

ми институтами параллельно формируются неформальные структуры, которые не только оспаривают действующие законы, но и претендуют на то, чтобы навязать свои правила в тех кварталах и районах, которые находятся под их контролем. И речь идет не только о салафитской общине, деятельность которой давно стала предметом самого пристального наблюдения со стороны немецких спецслужб, но и курдских, турецких и ливанских кланов. Последние достаточно долгое время находились для основной части общества «за кадром», однако ряд резонансных преступлений, к числу которых относится и упомянутое выше ограбление музея Боде, вывел выходцев из Бейрута в топ новостных чартов ФРГ, пусть и с негативной коннотацией.

Постепенно и к государственным структурам, и к обществу приходит осознание факта, что они имеют дело не с мелкими бандами преступников, а с достаточно сильными клановыми структурами, чья преступная деятельность (наркоторговля, «отмывание» денег, ограбления) наносит не только серьезный экономический ущерб, но и ставит под вопрос состоятельность Основного закона ФРГ. Каким же образом вчерашние беженцы из Ливана сумели превратиться в «королей» преступного мира ФРГ?

## **Вечные странники**

История многих ливанских кланов уходит своими корнями в Малую Азию, которая, по мнению ряда исследователей, является их прародиной. Именно здесь, на плоскогорьях Восточной Анатолии, например, зародился известный клан Мхамалли, численность которого насчитывает несколько тысяч человек. Восстание курдов 1925 г., выступавших против проводимой железной рукой М.К. Ататюрка национальной политики, нарушило традиционный уклад жизни Мхамалли. Хотя члены клана и не принимали непосредственного участия в восстании, придерживаясь нейтральной позиции в конфликте между Анкарой и сторонниками независимого Курдистана, боевые действия не обошли их стороной. Экономическая разруха, нежелание подвергнуться нападениям или репрессиям подтолкнули Мхамалли к миграции. Подобно древним египтянам, бежавшим от гнева фараона из Египта, многие курды вынуждены были покинуть свою историческую родину и отправиться в изгнание. Среди переселенцев были и представители клана Мхамалли, которые нашли пристанище в Ливане, ставшем «землей обетованной» для тысяч беженцев со всего Ближнего

Востока<sup>1</sup>. Впоследствии к этим «пионерам» присоединились их многочисленные родственники и соплеменники. Однако в отличие от армян, которые благодаря протекции местных христиан достаточно быстро получили ливанское гражданство, а вместе с ним – возможность занять наиболее перспективные ниши экономики, новые жители страны были лишены подобных привилегий, что не могло не сказаться как на их положении, так и на отношении к государственным институтам. «Из-за блокады со стороны христиан они, конечно же, не получили гражданство. До 1994 г., когда был издан декрет о предоставлении гражданства, суннитам удалось натурализовать лишь 10% этой группы»<sup>2</sup>.

Вспыхнувшая в 1975 г. гражданская война в Ливане между христианскими и мусульманскими общинами, жертвами которой стали десятки тысяч человек, вызвала волну миграции из страны, в том числе и в Западную Европу. В числе покинувших страну в поисках счастья были и известные кланы Мхамалли, Реммо, Аль-Зейн, которые перебрались в ФРГ, уже давно ставшую магнитом для мигрантов из Южной Европы, Югославии и Турции<sup>3</sup>. Новая родина приняла ливанцев не слишком приветливо, поначалу ограничившись предоставлением временного вида на жительство, который фактически закрывал доступ на легальный рынок труда и тормозил интеграцию общины в немецкое общество. Впрочем, данное обстоятельство никоим образом не помешало уроженцам небольшой ближневосточной страны пустить корни в Берлине, Дуйсбурге, Гамбурге, привозя своих родственников и шаг за шагом выстраивая свою полуподпольную экономическую «империю».

Описанный выше «долгий путь на Запад» ливанских кланов является не только прелюдией к основной части статьи, но и во многом дает ключ к пониманию того, почему они оказались по другую сторону закона.

---

<sup>1</sup> Нужно отметить, что Ливан дал убежище армянам, палестинцам, друзьям, а в последние годы – сирийцам. Это обстоятельство привело к достаточно пестрому этноконфессиональному составу страны, и как следствие – многочисленным конфликтам.

<sup>2</sup> *Ghadban R. Arabische clans. Die unterschätzte Gefahr. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. 2018. S. 56.*

<sup>3</sup> Весьма примечателен и маршрут прибывающих в Европу ливанских кланов. Первоначальной целью беженцев из Ливана был аэропорт Темпельхоф в Восточном Берлине, откуда они перебирались в западную часть города, чтобы потом добраться до ФРГ.

Во-первых, кочевой образ жизни и постоянные перемещения из одного региона в другой вследствие войн, гонений, или неблагоприятной экономической ситуации обусловили отношение выходцев из Ливана к государству и его структурам как чему-то чуждому, не имеющему к ним никакого отношения. Это особенно отчетливо проявилось во время гражданской войны в Ливане, когда Мхамалли попеременно поддерживали то мусульманские, то левые партии в зависимости от интересов клана. Следствием этого стало откровенное пренебрежение как действующими законами, так и культурными традициями принявшей их страны, в особенности если речь шла о государствах с чуждыми им культурой и религией<sup>1</sup>.

Во-вторых, постоянные вооруженные конфликты и столкновения, участниками, жертвами или свидетелями которых являлись представители ливанских кланов, наложили свой (как правило, негативный) отпечаток на мировоззрение и поведение представителей кланов. Использование или угроза применения силы, проявление агрессии в отношении оппонентов являются характерными чертами поведения для многих выходцев из кризисных, нестабильных регионов (Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и т.д.).

В-третьих, несмотря на массовый исход из Ливана десятков тысяч беженцев, традиционная клановая структура не только не ослабла, но, наоборот, усилилась. Ее усиление было обусловлено как притоком «свежей крови» в лице родственников из Ближнего Востока, так и тем обстоятельством, что в условиях незнакомой внешней среды именно клан давал защиту и поддержку своим членам.

И наконец, слабая интегрированность кланов в экономику и общество (отсутствие гражданства и доступа к легальному рынку труда)<sup>2</sup> определили маргинальное положение ливанских кланов и, как следствие, склонность их членов к криминалу и нелегальной деятельности. «Конечно, они дрались, воровали, торговали наркотиками. Если у тебя нет денег и ты не идешь красть, что ты будешь делать, если хочешь есть?»<sup>3</sup> (Джамаль Аль-Зейн, мировой судья, представитель клана Аль-Зейн). «По мнению президента

---

<sup>1</sup> Впрочем, ряд исследователей отмечает, что следование нормам религии внутри кланов носит достаточно избирательный характер и определяется клановыми интересами.

<sup>2</sup> Этому способствовали как неповоротливое законодательство ФРГ, так и нежелание немецких властей заниматься проблемой мигрантов.

<sup>3</sup> WDR Doku. Kriminelle Clans und ihre Millionen-Geschäfte // <https://www.youtube.com/watch?v=PCVT012sQhA&t=2044s>

Федерального ведомства криминальной полиции ФРГ Хольгера Мюнха, немецкие власти в прошлом совершили ошибку, когда в 1980–1990-х годах арабские семьи прибыли из Турции в ФРГ и смогли превратиться в криминальные кланы. В качестве причины этого он назвал то обстоятельство, что мигранты без перспективы получения гражданства или вида на постоянное место жительства селились в определенных местах, жили обособленно и криминализировались без достаточных для себя последствий»<sup>1</sup>. Фактически немецкое государство стало жертвой своей половинчатой миграционной политики, основанной, с одной стороны, на принятии беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, а с другой – на отказе от их интеграции. И в скором времени властям пришлось пожинать плоды своей неадаптивности.

О том, как на практике в 1980-е годы происходил процесс вовлечения мигрантов из Ливана в криминальную жизнь, достаточно подробно рассказал в своей книге публицист Р. Гхадбан, долгое время проживший в Ливане, «Кланы, Недооцененная угроза»: «В начале они отправлялись в супермаркеты и магазины и забирали всё, что хотели. [...] Поначалу организация действовала в тройке: наблюдатель, отвлекающий, исполнитель. Скоро из них возникли сплоченные банды, которые осуществляли более сложные акции»<sup>2</sup>. Впоследствии именно из этих банд были созданы мощные структуры, сочетающие криминальную деятельность и легальный бизнес. И именно клановая структура стала тем ядром вокруг которого выстраивалась вся финансовая деятельность вчерашних беженцев из Ливана.

### **За кулисами. Как устроены ливанские кланы**

Приподнять завесу тайны над тем, как в реальности устроены и функционируют ливанские кланы, сложно не только постороннему наблюдателю, но и спецслужбам и полиции, которые располагают разветвленным штатом осведомителей и новейшими средствами слежения. Причина «непрозрачности» кланов для правоохранительных органов объясняется не только особенностями их устройства (невозможность попасть в клан постороннему чело-

---

<sup>1</sup> Die Kriminalpolizei. Zeitschrift der Gewerkschaft der Polizei Ausgabe 2 / 2020. S. 28.

<sup>2</sup> Ghadban R. Arabische Clans. Die unterschätzte Gefahr. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin 2018. S. 141.

веку, браки только между родственниками), но также и строжайшими мерами безопасности, призванными защитить от «всевидящего ока» государства. Всё тот же Р. Гхадбан в своей книге описывает эпизод, который в полной мере передает это стремление сохранить в тайне любую информацию о клане. «В гессенском Франкфурте я был приглашен на демонстрацию солидарности против высылки членов клана Мхамалли. Конечно, в зале было много Мхамалли. Я делал записи об отношениях кланов. Обычное дело, если хочешь представить положение группы. Внезапно один молодой человек вскочил со своего места и обвинил меня в том, что я хочу разгласить внутренние дела клана. Его соседи принялись успокаивать его, возможно они объяснили ему, что я получил информацию от главы клана, во всяком случае он успокоился»<sup>1</sup>.

В какой-то мере пролить свет на ситуацию внутри ливанских семей помогают доклады правоохранительных органов ФРГ, расследования журналистов, а иногда и откровенные свидетельства самих членов кланов.

Традиционный ливанский клан состоит из нескольких тысяч человек, которые, несмотря на географическую разбросанность (ФРГ, страны Западной Европы, Ливан), тесно связаны между собой родственными узами<sup>2</sup>. В свою очередь кланы подразделяются на семьи, в которых до сих пор царит патриархально-архаичный уклад. «В кланах действует строгое понимание ролей, которое касается как взаимоотношения полов, так и иерархии»<sup>3</sup>. Во главе клана или семьи находятся старейшины, которые наряду с лидерскими функциями выступают в роли мировых судей, а также занимаются воспитанием молодежи. Последнему уделяется особое внимание, поскольку подрастающее поколение должно следовать принятым обычаям и традициям. С раннего детства молодым людям прививается культ силы, мужественности, необходимости защиты чести семьи, которая должна отстаиваться всеми возможными средствами. При этом «болевого порог» достаточно низок, и одного косого взгляда или неосторожно брошенного слова вполне достаточно для начала конфликта. Данное обстоятельство зачас-

---

<sup>1</sup> *Ghadban R. Arabische Clans. Die unterschätzte Gefahr. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. 2018. S. 138.*

<sup>2</sup> Как уже было отмечено выше, браки внутри клана способствовали укреплению кровнородственных связей, а вместе с этим и групповой сплоченности.

<sup>3</sup> *Polizei Nordrhein Westfalen. Arabische Familienclans – Historie. Analyse. Ansätze zur Bekämpfung. 2020. S. 9.*

тую обуславливает весьма агрессивное поведение членов ливанских кланов по отношению как к конкурентам, так и к служителям немецкой Фемиды. Влияние и могущество своего клана обычно подчеркиваются демонстрацией предметов роскоши (дорогие автомобили) или организацией пышных публичных мероприятий (свадьбы, дни рождения), на которых могут присутствовать несколько сот гостей. Женщинам отводится традиционная для мусульманских семей роль хранительниц очага и продолжательниц рода, что фактически исключает их участие в решении всех важных вопросов внутри клана<sup>1</sup>.

Высокая численность, тесные кровнородственные связи и готовность применять силу в отношении оппонентов в конечном счете помогли выходцам из Ливана занять достойное место под криминальным солнцем Берлина, потеснив после непродолжительных, но кровопролитных войн банды байкеров и албанскую мафию<sup>2</sup>.

### **«Монополия» с ливанским акцентом**

В начале 1930-х годов в самый разгар Великой депрессии безработный из Пенсильвании Чарльз Дэрроу запатентовал настольную игру «Монополия», которая со скоростью телеграфа покорила сначала Соединенные Штаты, а затем и остальной мир. Настольная игра давала любому человеку возможность почувствовать себя на некоторое время менеджером или банкиром, развить стратегическое мышление, логику и интуицию.

Организованную ливанскими кланами в крупных городах ФРГ финансовую бизнес-империю можно смело сравнить с «Монополией». Здесь есть всё: развитие предпринимательства, борьба с конкурентами, миллионные суммы, риск. Однако есть два об-

---

<sup>1</sup> Внутри кланов, как, впрочем, и во многих мусульманских семьях, достаточно распространены так называемые «убийства чести» (Ehrenmord – нем.), которые предоставляют членам клана право лишить жизни жену или сестру за измену или отступление от норм.

<sup>2</sup> Примечательно, что за пределами клана молодые курды и арабы почти не имели друзей. Гхадбан вспоминает, что во время его разговора с представителями ливанских кланов в середине 1990-х годов почти все подростки с удивлением реагировали на вопрос о наличии знакомых среди одноклассников, соседей и т.д. Это обстоятельство объясняет враждебность ливанских кланов по отношению к окружающему миру и жестокость к чужакам. *Ghadban R. Arabische Clans. Unterschätzte Gefahr.* Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. 2018. S. 146.

стоятельства, которые отличают американскую «Монополию» от ливанской, – реалистичность и зачастую криминальный характер.

Бизнес-модель кланов Мхамалли, Реммо и Мири основана на тесном переплетении легального бизнеса, «серых схем» и откровенного криминала, включающего торговлю наркотиками, вымогательство и расправу над всеми неугодными.

Официальной вершиной этого айсберга под названием «экономика кланов» являются сеть кальянных, лавочек, торгующих овощами и фруктами, и закусочных, призванных в очередной раз продемонстрировать властям легальность и прозрачность предпринимательской деятельности выходцев из небольшой ближневосточной страны. Однако за витриной этого благочиния скрывается совсем иной мир, живущий по своим неписаным законам. Проведенный обыск в домах, принадлежащих представителям влиятельного клана Аль-Зайн, продемонстрировал роскошь и богатство ливанских семей, пусть и уступающие сокровищам арабских шейхов, но всё же контрастирующие со скромным статусом бедных мигрантов из Ближнего Востока. «Из протокола обыска двоюродного деда, безработного получателя пособия Hartz IV: “В спальне были найдены часы Rolex в оригинальной коробке. В кармане джинсов обвиняемого было обнаружено 2795 евро”»<sup>1</sup>. Правоохранители конфисковали у представителя клана автомобиль Porsche 996. Подобного рода картины можно с завидной регулярностью наблюдать в репортажах немецких СМИ.

Источники доходов ливанских семей столь же многообразны, сколь и методы, с помощью которых они увеличивают свое благосостояние. Высокая доходность баров обусловлена не только популярностью подобного рода заведений среди молодежи, но и «маркетинговой» стратегией их владельцев. В 2018 г. власти обнаружили в Золингене подпольную фабрику, производящую табак для кальянных. При себестоимости производства 5–10 евро за килограмм он впоследствии продавался в барах по цене 50–70 евро<sup>2</sup>.

Однако основу благосостояния ливанских кланов составляет всё же криминальная деятельность – торговля наркотиками, шантаж, мошенничество и т.д. Еще в начале 1980-х годов выходцы из Бейрута попадали в поле зрения берлинской полиции из-за распространения наркотиков. А в начале 1990-х годов после непро-

---

<sup>1</sup> Der Spiegel. Die Gangster. № 8/ 2019. S. 14.

<sup>2</sup> Kriminelle Clans und ihre Millionen-Geschäfte | WDR Doku // <https://www.youtube.com/watch?v=PCVT012sQhA&t=2042s>

должительной, но жестокой войны с албанским кланом Османи они захватили большую часть рынка. «В коллективной памяти Мхамалли конфликт с албанцами в Берлине приобрел черты мифа о победе и начале их владычества»<sup>1</sup>.

Со временем к наркоторговле прибавились и другие криминальные «промыслы», которые способствовали обогащению арабских и курдских семей. Наряду с ограблениями и кражами, ставшими уже визитной карточкой кланов, к ним относились вымогательства и требование крупных сумм денег за «защиту». Наиболее распространенная схема шантажа со стороны представителей ливанских кланов выглядит следующим образом. После покупки автомашины или бытовой техники продавцу поступал звонок от покупателя с требованием возместить ущерб за якобы имеющий место дефект. В случае отказа в его адрес поступали угрозы физической расправы, которые вынуждали сотни людей исправно переводить деньги, в том числе и за рубеж, в Ливан. Пройдя «очищение» через местные банки деньги кланов возвращаются в ФРГ, где они инвестировались в недвижимость и легальный бизнес.

Влияние кланов распространилось даже на такую сферу, как шоу-бизнес. Большой резонанс и в СМИ, и среди общественности получила история известного немецкого рэпера «Bushido» (Анис Мохаммед Юсеф Ферчичи), который на протяжении почти 14 лет сотрудничал с кланом Абу-Шакер, получавшим за свой патронаж половину доходов певца<sup>2</sup>. Однако в 2018 г. «роман» между известным музыкальным исполнителем и криминальным миром закончился, что вылилось во взаимные упреки, за которыми в скором времени последовали угрозы со стороны Абу-Шакер. От расправы «Bushido» спасло заступничество другого ливанского клана – Реммо.

## **Сколько власти у государства?**

О силе и опасности ливанских кланов лучше всего говорят сухие цифры полицейской статистики. Только с 2016 по 2018 г. в одной федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия представи-

---

<sup>1</sup> *Ghadban R. Arabische Clans. Die unterschätzte Gefahr. Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin 2018. S.143.*

<sup>2</sup> Сотрудничество кланов с представителями шоу-бизнеса было обусловлено не только финансовыми соображениями, но и стремлением повысить свой имидж и авторитет в определенной части общества.

тели кланов совершили около 14 000 различных правонарушений и преступлений<sup>1</sup>.

«Мы проспали»,<sup>2</sup> – вынужден был признать министр внутренних дел Северного Рейна – Вестфалии Х. Рейл. И действительно, проводившаяся на протяжении многих лет политика государства в отношении ливанских кланов, которая строилась на неправильной оценке ситуации, не имела особого успеха. Обыски, аресты и уголовные дела – обычные инструменты, применявшиеся в борьбе против криминальных банд, – оказались неэффективными в конфликте с Реммо, Мири и Аль-Зуйн. «Следователи сообщают: уже дети зло высмеивают полицейских, поскольку их научили не выказывать им никакого уважения. Жены высмеивают их, поскольку знают доказательства»<sup>3</sup>. Даже угроза тюремного заключения не смогла стать препятствием для преступной деятельности кланов. «Мать, чьи сыновья оказались в тюрьме, попрощалась с последним словами: “Тюрьма делает мужчиной”»<sup>4</sup>.

В этой ситуации и от правоохранительной системы ФРГ, и от политических партий требуется новая стратегия в отношении выходцев из Ливана, которая должна отступить от традиционных полицейских операций и включать в себя меры, направленные против самой клановой системы, а не только отдельных (пусть и весьма влиятельных) членов.

В первую очередь это касается экономического фундамента арабских и курдских семей. В специальном докладе полиции, посвященном деятельности кланов в ФРГ, отмечалось, что одним из главных страхов членов клана наряду с потерей чести является утрата денег или экономических ресурсов<sup>5</sup>. Именно поэтому основной удар должен наноситься по бизнесу ливанских семей, лишая их той опоры, которая позволяет им чувствовать себя уверенно в чужой стране.

Кроме того, большое внимание следует уделять работе с молодежью, от которой будет зависеть ситуация в мигрантских кварталах Эссена, Дуйсбурга, Берлина. Безусловно, эта задача является гораздо более сложной, чем борьба с нелегальным «бизнесом»

---

<sup>1</sup> Der Spiegel. Die Gangster. № 8/ 2019. S. 14.

<sup>2</sup> Ibid. S. 17.

<sup>3</sup> Ibid. S. 14.

<sup>4</sup> Ibid.

<sup>5</sup> *Polizei Nordrhein Westfalen. Arabische Familienclans – Historie. Analyse. Ansätze zur Bekämpfung* 2020. S. 13.

кланов, поскольку подрастающее поколение прочной «пуповиной» связано со своей семьей, а авторитет государственных органов (школа, социальные ведомства) крайне низок.

Однако именно только эта триада мер – полицейские операции, борьба с экономическими преступлениями и работа с молодежью – сможет вырвать корни, которые ливанские кланы пустили в 1980-х годов в ФРГ.

*Статья предоставлена автором для публикации  
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*